

УДК 008:316.34

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДИСКУРСОВ О ТЮРЕМНОЙ СУБКУЛЬТУРЕ В РОССИЙСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Тищенко Наталья Викторовна,

Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.,
доцент кафедры культурологии,
кандидат культурологии,
Саратов, Россия.
E-mail: mihailovan@inbox.ru

Аннотация

Статья посвящена проблеме распространения криминальных ценностей в отечественной культуре. На примере трёх типов дискурса, соответствующих трём периодам в литературе, показана трансформация интерпретации ценностей тюремной субкультуры. Автор приходит к выводу, что нормы и ценности тюремной субкультуры становятся неотъемлемой частью дискурсов, характерных для массовой культуры

Ключевые слова:

дискурс, литературный текст, тюремная субкультура, массовая культура, ценности.

Не будет большим преувеличением утверждать, что одним из самых распространенных и притягательных объектов исследования для разнообразных научных направлений являются литературные произведения. Сегодня анализ художественной литературы в том или ином варианте можно встретить в социологических, политологических, психологических и пр. работах. Однако исследовательская работа с литературными произведениями ставит перед авторами серьезные методологические и теоретические проблемы в силу специфики литературных текстов, которые зачастую интерпретируются как мощные механизмы манипуляции, чьё «воздействие осуществляется скрыто, цели конкретного произведения, его смысл бывают ясны далеко не всегда» [11, с. 39]. Кроме того, литературные тексты могут оказаться почти единственным источником знания о социальных процессах и явлениях, что и произошло в условиях российских реалий с таким явлением, как

тюремная субкультура. В силу разнообразных причин официальная власть в России достаточно слабо инициировала развитие корпуса знаний о тюремной субкультуре, интерпретируя ее как явление, характерное исключительно для изолированных от остального общества пространств – пенитенциариев [8, с. 88–92]. Причем эта тенденция характерна как для XIX, так и для XX столетия. И именно литературные тексты оказали принципиальное влияние на формирование представлений о тюремной субкультуре в отечественной культуре.

Целью данной статьи является выявление типов дискурса о тюремной субкультуре, представленных в отечественной художественной литературе XX столетия. Наиболее приемлемым методом для достижения поставленной цели, на наш взгляд, является дискурс-анализ, направленный на установление связи между дискурсом и реальностью, между высказываниями и социальными практиками, между ценностными

ориентирами и экзистенциальными предпочтениями [9]. В качестве объектов исследования были отобраны тексты, чьи авторы имели опыт тюремного заключения и в той или иной форме отразили его в своих произведениях (воспоминания о тюремном заключении, письма из лагеря, художественные произведения, посвященные жизни в лагере и т. д.).

В ходе исследования было выделено три типа дискурса о тюремной субкультуре. Первый получил название «метафизический» дискурс (40–50-е гг. XX века). Он связан с интеллектуальной отечественной традицией и его основная цель – «познать природу вещей», определить способы достижения истины. К этому типу мы отнесли следующие произведения: Е. С. Гинзбург «Крутой маршрут», А. В. Жигулин «Черные камни», Л. З. Копелев «Хранить вечно», Л. Э. Разгон «Непридуманное»; А. И. Солженицын «В круге первом», В. Т. Шаламов «Колымские рассказы». Второй дискурс – «рефлексивный» – связан с диссидентским движением в отечественной культуре и направлен на утверждение экзистенциального, правового, социального статуса личности (60–80-е гг. XX века). Здесь были проанализированы тексты: Ю. М. Даниэля «Я всё сбиваюсь на литературу...», Ф. Г. Светова «Тюрьма», З. А. Крахмальниковой «Слушай, тюрьма!», А. Т. Марченко «Мои показания». Третий тип дискурса – «дидактический» – связан с массовой культурой и его целью является создание рекомендаций, своеобразного «навигатора» по тюремной субкультуре (90-е гг. XX века). К третьей рубрике были отнесены тексты: В. А. Ажиппо «Не зарекайся», И. Костров «И равнодушно смотрят небеса», Н. Н. Лопатин «Записки зека», Л. А. Габышев «Одлян или Воздух свободы», А. Павлов «Должно было быть не так», Абрамкин В. Ф. и др. «Как выжить в советской тюрьме. В помощь узнику».

Все три дискурса, сформированные в пространстве тюремной субкультуры, относятся к различным временным периодам, связаны с разными социальными практиками (совершенно разные причины привели авторов в места лишения свободы), подразумевают разные способы идентификации. Но, одно-

временно, эти три типа дискурса противостоят распространенным дискурсам о тюремной субкультуре, таким как «административному» (выраженному в Уголовном, Уголовно-процессуальном, Уголовно-исполнительном Кодексах), «либеральному» (выраженному, например, в риторике правозащитных организаций), «масс-медийному» (представленному средствами массовой информации, где любая информация о местах лишения свободы преподносится как «горячая новость», способная вызывать лишь массовые страхи и социальную нетерпимость) и пр.

За основу в исследовании произведений, посвященных тюрьме, мы взяли схему, предложенную в работах Э. Лакло и Ш. Муфф, сконцентрировавшись на двух важных этапах этой методологической схемы: выделению ключевых знаков и цепочки смыслов-эквивалентов, расшифровывающих специфику использования ключевого знака каждым дискурсом; и определению сути конфликтов, возникших между дискурсами о тюремной субкультуре [12].

Ключевые знаки в структуре дискурса – это некие само собой разумеющиеся данности, не требующие расшифровки для участников одного дискурса и абсолютно непонятные, закрытые для интерпретации, конструкции для участников другого дискурса. Выделению ключевых знаков в текстах предшествовала определенная методическая работа. Литературные произведения относятся к слабоструктурированным текстам, и любая их формализация осложнена множеством оригинальных, индивидуальных метафор, понятий, событий, которые сложно объединить под какой-либо рубрикой. Для преодоления этой методической проблемы все тексты были разбиты на тематические разделы, этим тематическим разделам были даны определения и именно общие для всех текстов разделы-определения и были взяты в качестве ключевых знаков. Всего было выделено четыре ключевых бинарных знака: 1) «тюрьма – свобода»; 2) «власть – безвластие»; 3) «знание – вера»; 4) «жизнь – смерть».

Первый ключевой знак «тюрьма – свобода» интерпретируется тремя дискурсами с принципиально отличных позиций:

Для метафизического дискурса «тюрьма» представляется не только самодостаточным миром, но и неким бытием, исключаящим все другие формы бытия и существования. Онтология тюремного пространства содержит свои ад и рай, свои свободу и рабство, свои господство и подчинение, свои добро и зло, свою веру и нигилизм. Рефлексивный дискурс лишает пространство тюрьмы высокого онтологического статуса, видя в ней чуждую индивидуальности. Этим рефлексивный дискурс объясняет жесткость тюремных правил: они действуют не для человека, не ради человека – они функционируют как абсолютно абстрактная система, которой подчинен любой, оказавшийся в пространстве лагеря. Выпадение человека из свода

в ней самый доступный и обыденный механизм воздействия на индивида.

Интерпретация ключевого знака «власть – безвластие» в метафизическом и рефлексивном дискурсах достаточно схожа – оба дискурса функцию господства приписывают официальным структурам и основной их задачей считают подавление личности. Но если метафизический дискурс в действиях официальной власти видит экзистенциальную опасность, то рефлексивный дискурс полагает, что уничтожению подвергается базовая функция индивида – самостоятельность. В интерпретации власти сильнее всего проявляется предельная экономическая целесообразность дидактического дискурса, т. к. в его высказываниях власть теряет всякую разру-

Схема 1.

Метафизический дискурс	Рефлексивный дискурс	Дидактический дискурс
«тюрьма – форма бытия»	«тюрьма – это другой мир»	«тюрьма как обыденность»

Схема 2.

Метафизический дискурс	Рефлексивный дискурс	Дидактический дискурс
«власть как форма уничтожения индивидуального»	«власть как форма уничтожения самостоятельности»	«власть как способ получения выгоды»

Схема 3.

Метафизический дискурс	Рефлексивный дискурс	Дидактический дискурс
«знание – глубоко индивидуальный акт, исключаящий возможность трансляции и передачи»		«знание – понимание внутренней логики функционирования обыденной жизни»

Схема 4.

Метафизический дискурс	Рефлексивный дискурс	Дидактический дискурс
«смерть как уступка власти, жизнь как сопротивление власти»	«смерть как обыденность»	«жизнь – это прибыль для различных форм власти»

тюремных правил (неважно, официальные ли это распоряжения или нормы уголовной культуры) приводит к тому, что Ю. М. Даниэль назвал «фантастичностью происходящего» [3, с. 18]. Дидактический дискурс отбрасывает утверждения об испытаниях, об избранности и об абсурдности пенитенциарной системы. В противовес всем предыдущим определениям он интерпретирует понятие «тюрьма» функционально, видя

шительную силу и становится частью экономических стратегий, направленных исключительно на обогащение, тех кто наделяется властными полномочиями: «На языке тюремщиков вы и те, кто сегодня попал в тюрьму вместе с вами – «новая прибыль» или просто «прибыль»» [2, с. 24].

Одновременно в дидактическом дискурсе происходит дисперсия понятия власть и властными полномочиями наделяются не только офи-

циальные структуры, но и уголовная культура, причем утверждается универсальность тюремных законов и их эффективность в противовес официальному законодательству и общественным нормам: «Очень многое в правильных понятиях на воле может показаться диким, жестоким, бессмысленным. Но я, прошедший эту школу, могу сказать: тот образ жизни, который подчинен правильным понятиям, легче и разумнее предписанного властями» [1, с. 184].

И метафизический, и рефлексивный дискурсы развивали идею наличия двух типов знания. Первый тип сформулирован с помощью официальной власти и стремится утвердить определенный тип видимостей или идеологий, поддерживающих власть с помощью научных, художественных, публицистических и пр. полей высказываний. Официальная власть ставит перед собой задачу контролировать не только процесс формирования знания (лаборатории, научно-исследовательские институты, профессиональные союзы, «шарашки»), но и способы его трансляции в социальном пространстве (образование, издательства, средства массовой информации): «Так создано многое в нашей науке! И в этом – основная идея шарашек» [7, с. 98]. Второй тип знания альтернативен официальному типу утверждений, он слабо структурирован и, конечно, не институализирован и именно он может быть доступен только в пространстве тюрьмы – «Благословение тюрьме!! Она дала мне задуматься. Чтобы понять природу счастья!» [7, с. 46]. Способы трансляции этого типа знания ограничены не только из-за постоянной конфронтации с официальной властью (по сути, этот тип знания всегда «вне закона»). Передача второго типа знания затруднена его сущностной замкнутостью, глубокой индивидуальностью опыта постижения знания.

Дидактический дискурс настаивает на том, что понимание тюремной жизни и знание тюремных ритуалов превращает индивида в социального актора, эффективно действующего в любых социальных пространствах. Человек, обладающий тюремным опытом, становится универсальным индивидом, героем, способным осуществлять активные позитивные социальные действия: «К сожалению, наша общественная

жизнь лишь на десять процентов регулируется законом, а на девяносто – беззаконием. В тюрьме это проявляется наиболее выпукло, рельефно, по-мультияшному ярко. Задача книги – научить противостоять этому беззаконию» [2, с. 7].

В интерпретации последнего ключевого знака «жизнь – смерть» все три дискурса остаются верны своим идеологическим основаниям:

Для метафизического дискурса принцип жизни заключается в противостоянии разрушительным, деструктивным властным механизмам. С позиции рефлексивного дискурса официальная власть настолько себя скомпрометировала, дискредитировала, уничтожила всякую веру в законность, что любое сопротивление власти так же бессмысленно и абсурдно как и сама власть, поэтому смерть становится обыденностью, не способной остановить действие властных механизмов: «Один зек долез до козырька из колючей проволоки и запутался в ней. В это время автоматная очередь с вышки, он упал на козырек, повис на заборе. Тогда полез другой – он спокойно ждал своей очереди. Короткая очередь – и он упал вниз, под забор. За ним третий – тоже свалился рядом со вторым. Это самоубийство отличалось от других тем, что было групповым. Точно таких одиночек много, и не только на спецу» [5, с. 62]. Дидактический же дискурс и здесь проявляет характерную ему экономическую целесообразность и жизнь становится частью экономических стратегий, как со стороны официальной власти, так и с позиции тюремной субкультуры.

Антагонизм дискурсов. Борьба трех дискурсов за право дать наиболее точную, «правдивую» интерпретацию тюремной жизни, норм и ценностей тюремной субкультуры определяет специфику формирования дискурсов, особенности их внутренней структуры. Показательно, что идеи «правдивости», «истинности» используются всеми тремя дискурсами. Вот цитата из редакторского вступления к книге Л. Э. Разгона «Непридуманное» (хотя уже само название текста четко указывает на отношение автора к своему тексту): «Все, о чем рассказывает в этой книге писатель Лев Разгон, – правда. В ее обычном словарном обозначении: «То, что действительно было, то, что в действительно-

сти есть». В ней нет придуманных персонажей, эпизодов, дат» [6, с. 4]. И семантически, и когнитивно приведенной цитате близко утверждение из текста А. Т. Марченко: «Я не считаю себя писателем, эти записки не художественное произведение. Все шесть лет я старался только видеть и запоминать. Здесь, в этих записках, нет ни одного вымышленного лица, ни одной придуманной истории. Там, где есть опасность причинить вред другим людям, я не называю имен, умалчиваю о некоторых обстоятельствах и событиях. Но я готов отвечать за истинность любой рассказанной здесь детали» [5, с. 7–8]. Но показательно, что на подлинность высказываний претендует в той же степени и дидактический дискурс, хотя в его интерпретации жизнь в местах лишения свободы предстает в совсем ином свете: «Я постараюсь со всей ответственностью и искренностью донести до вас свои личные впечатления от пребывания в «местах не столь отдаленных» и попытаюсь рассказать о системе, с которой вам, вполне вероятно (и не дай Бог!), рано или поздно придется столкнуться» [4].

С точки зрения самих авторов литературных произведений, написанных в местах лишения свободы, их тексты – это, во-первых, попытка создать свое индивидуальное, приватное пространство, которое невозможно с физической точки зрения в местах лишения свободы, во-вторых, конструирование такого типа дискурса, который одновременно компрометирует и раскрывает все недостатки и дискурса власти, и дискурса тюремного мира, но и формирует подлинный образ исправительной системы. Что очень характерно, кем бы ни был автор текста о тюрьме – политзаключенный, уголовный преступник, сотрудник системы наказания – он противопоставляет свой текст всем остальным системам высказываний и обещает читателю, что тот будет посвящен в самое сокровенное, что всегда всеми замалчивалось и что составляет сердцевину не только тюремной субкультуры, но и человеческого существования вообще.

Выводы. Если попытаться выявить траекторию движения дискурсов о тюремной

субкультуре в художественной литературе XX века, то она представляет собой отказ от установки на исследование духовных возможностей человека в условиях тотальной несвободы и переход к утверждению системы отношений, в основе которых заложена идея экономической целесообразности: идея жизни подменяется идеей потребления. И эталоном экономической эффективности с позиции дидактического дискурса становятся нормы и ценности тюремной субкультуры. Таким образом, на примере дидактического дискурса наиболее очевиден процесс адаптации ценностей тюремной субкультуры к ориентирам и установкам современной массовой культуры.

Для современной массовой культуры характерен следующий набор базовых ценностей: 1) жизненный комфорт (как духовный, так и физический); 2) социальная стабильность; 3) личностный успех, которые выражаются «массовой социальной мифологией, упрощающей сложную систему ценностных ориентаций человека и многообразие оттенков миропонимания до элементарных дуалистичных оппозиций» [10, с. 138]. В интерпретации тюремной субкультуры эти ценности, сохраняя свою форму, получают ярко выраженный агрессивный, антигуманный, «хищнический» характер. Ценность жизненного комфорта приобретает в тюремной субкультуре утрированные физические характеристики. Поддержание социальной стабильности трансформируется в тюремной субкультуре в систему жесткой сегрегации и иерархии, которые только и способны якобы поддерживать стабильность в обществе. Идея личностного успеха выражается в гиперболизации авторитета отдельных индивидов. Можно с большой долей вероятности утверждать, что смешение ценностей массовой культуры с ценностями тюремной субкультуры наблюдается в риторике современных отечественных средств массовой информации, художественных кинематографических образах, ритуалах повседневной культуры.

---

1. Абрамкин В.Ф., Чижов Ю.В. и др. Как выжить в советской тюрьме. В помощь узнику. – Красноярск: Вос-

ток, 1992. 192 с.

2. Ажиппо В. А. Не зарекайся. Харьков: Батьківщина, 2005. 49 с.

3. Даниэль Ю. М. Письма из заключения. Стихи / Сост. Даниэль А. Ю. М.: О-во «Мемориал»: Звенья, 2000. 895 с.

4. Костров И. И. равнодушно смотрят небеса. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tyurem.net/books/kostrov/index.htm>.

5. Марченко А. Т. Мои показания. М.: ОГИ, 2005. 304 с.

6. Разгон Л. Э. Непридуманное. М.: Изд-во Захаров, 2006. 688 с.

7. Солженицын А. И. В круге первом. М.: АСТ, 2010. 990 с.

8. Тищенко Н. В. Развитие представлений о тюремной субкультуре в исследовательской литературе // Философия права, 2011. № 5. С. 88–92.

9. Филипс Н., Харди С. Что такое дискурс-анализ? / Пер. с англ. Е. Кожемякина // Современный дискурс-анализ. 2009. Т. 1. Вып. 1. [Электронный ресурс]. URL: http://www.discourseanalysis.org/ada1_1.pdf.

10. Флиер А. Я. Массовая культура и ее социальные функции // ОНС: Общественные науки и современность. – 1998. № 6. С. 138–148.

11. Хазагеров Г. Г. Партия, власть и риторика. М.: Европа, 2006. 48 с.

12. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy. Toward a Radical Democratic Politics. London: Verso, 2001. 197 p.

1. Abramkin V.F., Chizhov Yu.V. i dr. Kak vyzhit' v sovetskoj tyur'me. V pomoshh' uzniku. – Krasnoyarsk: Vostok, 1992. 192 s.

2. Azhippo V.A. Ne zarekajsa. Har'kov: Bat'kivshhina, 2005. 49 s.

3. Danie'l' Yu.M. Pis'ma iz zaklyucheniya. Stixi / Sost. Danie'l' A.Yu. M.: O-vo «Memorial»: Zven'ya, 2000. 895 s.

4. Kostrov I. I ravnodushno smotryat nebesa. [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://www.tyurem.net/books/kostrov/index.htm>.

5. Marchenko A. T. Moi pokazaniya. M.: OGI, 2005. 304 s.

6. Razgon L.E'. Nepridumannoe. M.: Izd-vo Zaxarov, 2006. 688 s.

7. Solzhenicyn A.I. V kruge pervom. M.: AST, 2010. 990 s.

8. Tishhenko N.V. Razvitie predstavlenij o tyuremnoj subkul'ture v issledovatel'skoj literature // Filosofiya prava, 2011. № 5. S. 88–92.

9. Filips N., Xardi S. Chto takoe diskurs-analiz? / Per. s angl. E. Kozhemyakina // Sovremennyj diskurs-analiz. 2009. T. 1. Vyp. 1. [E'lektronnyj resurs]. URL: http://www.discourseanalysis.org/ada1_1.pdf.

10. Flier A. Ya. Massovaya kul'tura i ee social'nye funkcii // ONS: Obshhestvennye nauki i sovremennost'. – 1998. № 6. S. 138–148.

11. Xazagerov G.G. Partiya, vlast' i ritorika. M.: Evropa, 2006. 48 s.

12. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy. Toward a Radical Democratic Politics. London: Verso, 2001. 197 p.

UDC 008:316.34

THE TRANSFORMATION OF THE DISCOURSE OF THE PRISON SUBCULTURE IN RUSSIAN LITERATURE

Tishchenko Natalia Victorovna,

Saratov State Technical University, named after Gagarin Y.A.,
Associate Professor at the Chair of Culturology,
Candidat of Culturology,
Saratov, Russia.
E-mail: mihailovan@inbox.ru

Annotation

The article is devoted to the dissemination of criminal values in the Russian culture. Using three types of discourse, corresponding to the three periods in the literature, shows the transformation of the interpretation of the values of prison subculture. The author comes to the conclusion that the norms and values of the prison subculture become an integral part of the discourses of the popular culture.

Key words:

discourse, prison subculture, literary text, the prison subculture, popular culture, values.